

ИСТОРИЧЕСКІЙ ВѢСТНИКЪ

ИСТОРИКО-
ЛИТЕРАТУРНЫЙ
ЖУРНАЛЪ.

ГОДЪ ПЯТНАДЦАТЫЙ

НОЯБРЬ, 1894.

ПОСОЛЬСТВО ВЪ ХИВУ ВЪ 1842 ГОДУ.

(По рассказамъ и запискамъ очевидца).

ВЪ АПРѢЛЬСКОЙ книгѣ «Русскаго Архива» за 1891 годъ была напечатана мною статья «Зимній походъ въ Хиву (Перовскаго) въ 1839 г.»¹⁾. Получивъ въ настоящее время въ свое распоряженіе очень интересныя и цѣнныя записки недавно умершаго подполковника Г. Н. Зеленина, между прочимъ, и объ участіи его въ бывшемъ въ 1842 году посольствѣ въ Хиву, я нахожу возможнымъ подѣлиться съ читателями «Историческаго Вѣстника» имѣющимися у меня новыми свѣдѣніями въ предлагаемой статьѣ, обрисовывающей наши первыя попытки сближенія съ Хивою, а равно и внутренніе распоряжки этого ханства, существовавшіе тамъ полвѣка назадъ. Ни въ официальномъ описаніи путешествія и занятій этой «миссіи», какъ названо было это посольство на дипломатическомъ языкѣ министерства иностранныхъ дѣлъ, — описаніи, составленномъ коллежскимъ регистраторомъ Григорьевымъ, ни въ появившейся впоследствии, въ одномъ изъ специальныхъ военныхъ журналовъ, краткой статьѣ объ этомъ посольствѣ нѣтъ тѣхъ чрезвычайно интересныхъ и характерныхъ подробностей, которыя мнѣ довелось встрѣтить какъ въ самыхъ запискахъ покойнаго Зеленина, такъ равно и въ устныхъ рассказахъ, слышанныхъ отъ него лично, во время моего проживанія въ 1889 и 1890 гг. въ Оренбургѣ.

¹⁾ Изъ этой статьи взято мною нѣсколько строкъ о капитанѣ Никифоровѣ и о смерти полковника Данилевскаго въ настоящую статью.

I.

Миссія въ Хиву капитана Никифорова и его біографія.—Неудача этой миссіи.—Смерть Никифорова.—Отправка изъ Хивы сановника Набіева и его поѣздка въ Петербургъ.—Отказъ Набіева вступить въ переговоры.—Состоявшееся въ Петербургѣ рѣшеніе—отправить новое посольство въ Хиву.

Несчастный походъ въ Хиву въ 1717 году князя Бековича-Черкаскаго, погибшаго со всѣмъ своимъ отрядомъ, и почти столь же несчастная участь отряда генераль-адъютанта В. А. Перовскаго въ 1839 году сдѣлали Хиву какъ бы заколдованною и недоступною для русскаго оружія. Въ правящихъ сферахъ Петербурга явилось убѣжденіе, что взять Хиву военною силою очень трудно и почти невозможно, именно вслѣдствіе ея отдаленности, а главное, безводности окружающихъ ее песчаныхъ пустынь... Рѣшено было, перейти на мирную почву и начать съ этимъ ханствомъ дипломатическія сношенія, отправивъ въ Хиву уполномоченное и довѣренное лицо для личныхъ переговоровъ съ самимъ ханомъ Алла-Куломъ. Выборъ палъ на капитана генеральнаго штаба Никифорова, недавняго участника неудачнаго похода въ Хиву. Объ этомъ офицерѣ будетъ нелишне сказать предварительно нѣсколько словъ.

Капитанъ П. А. Никифоровъ находился за все время зимняго похода въ Хиву лично при генералѣ Перовскомъ, былъ его правою рукою и *de facto* начальникомъ штаба. Незадолго до прибытія въ Оренбургъ Перовскаго (въ 1833 году) Никифоровъ былъ переведенъ изъ поручиковъ гвардейскихъ саперовъ въ одинъ изъ оренбургскихъ баталіоновъ, съ тѣмъ же чиномъ. Вскорѣ узнали, что у Никифорова въ Петербургѣ была «исторія»: онъ получилъ оскорбленіе въ компаніи гвардейской молодежи, но не вызвалъ оскорбителя на дуэль и не дрался, не желая, какъ говорили, компрометировать честь женщины, послужившей поводомъ къ ссорѣ; затѣмъ сдѣлалъ въ этомъ направленіи еще какой-то неловкій шагъ, и его въ концѣ концовъ перевели изъ гвардіи въ линейный баталіонъ. По прибытіи Никифорова въ Оренбургъ, въ немъ принялъ горячее участіе начальникъ штаба оренбургскаго отдѣльнаго корпуса, баронъ Рокасовскій, знавшій молодого офицера еще въ Петербургѣ. По прибытіи же въ Оренбургъ генерала Перовскаго, начальникъ штаба рекомендовалъ Никифорова, какъ очень образованнаго, способнаго и трудолюбиваго офицера, а главное, какъ очень полезнаго и хорошо ознакомившагося съ краемъ. Не прошло и года со времени перваго представленія опальнаго поручика генералу Перовскому, какъ онъ уже пользовался неограниченнымъ довѣріемъ своего корпуснаго командира и имѣлъ на него нѣкоторое вліяніе. Еще годъ — и поручикъ Никифоровъ былъ, по представленію

генерала Перовскаго, прикомандированъ къ генеральному штабу, а вскорѣ и совсѣмъ зачисленъ въ него, не будучи никогда въ военной академіи. Въ 1839 году онъ былъ уже штабсъ-капитаномъ генеральнаго штаба, имѣлъ нѣсколько отличій и состоялъ при Перовскомъ «для особыхъ порученій», не имѣя никакихъ опредѣленныхъ служебныхъ занятій, но распоряжаясь при этомъ рѣшительно всѣмъ, хотя и отъ имени своего патрона и начальника. Главное, чѣмъ дорожилъ генералъ Перовскій въ Никифоровѣ, это былъ его слогъ: онъ такъ хорошо владѣлъ перомъ, что никто, кромѣ него, не могъ въ этомъ отношеніи угодить молодому и немножко капризному начальнику; перу же Никифорова принадлежали и всѣ представленія въ Петербургъ о необходимости похода на Хиву. За этотъ походъ Никифоровъ былъ произведенъ (въ 1840 г.) въ капитаны и получилъ Владиміра 4-й степеніи съ мечами и бантомъ. Наружность у Никифорова была такъ же очень замѣчательная и характерная: онъ былъ небольшого роста, широкоплечій и чрезвычайно подвижной; при этомъ онъ такъ быстро выражалъ свои мысли, то-есть, такъ скоро говорилъ, что на первыхъ порахъ весьма лишь немногіе могли понимать его рѣчь. Главное же, что поражало всѣхъ въ наружности Никифорова,—были «его огненные глаза, которые такъ и сыпали искрами», по картинному выраженію Зеленина въ его «Запискахъ»; многіе военные того времени, хорошо знавшіе по Петербургу поэта Лермонтова, находили, что «огненные глаза» Никифорова были совершенно схожи съ его глазами. Вотъ этотъ-то человѣкъ и былъ посланъ въ Хиву, къ гордому хану Алла-Кулу, въ качествѣ особо-уполномоченнаго лица для переговоровъ.

Съ капитаномъ Никифоровымъ было послано въ Хиву очень ограниченное количество спутниковъ: съ нимъ отправились двое топографовъ унтеръ-офицерскаго званія, Петровъ и Челпановъ, для съемокъ, если удастся ихъ сдѣлать въ тайнѣ отъ хивинцевъ, караванъ-баша и 12 человѣкъ уральскихъ казаковъ при урядникѣ. Эта импровизованная «миссія» отправилась изъ Оренбурга въ Хиву въ августѣ мѣсяцѣ 1841 года. Къ сожалѣнію, не осталось почти никакихъ письменныхъ слѣдовъ о томъ, какъ добрались эти люди до Хивы и что тамъ сдѣлали... Дѣло въ томъ, что, окончивъ свою миссію и благополучно вернувшись въ Оренбургъ, Никифоровъ приступилъ было къ составленію отчета, но, по распоряженію военнаго министра, былъ вызванъ въ Петербургъ лично; по дорогѣ туда онъ захалъ къ своей старушкѣ-матери, въ ея имѣніе близъ Сызрани, и тутъ неожиданно умеръ отъ разрыва сердца. Послѣ его смерти изъ Оренбурга распорядились, конечно, сейчасъ же забрать всѣ его бумаги и переписку, но въ нихъ не оказалось ничего толковаго и яснаго, такъ какъ ни по дорогѣ въ Хиву, ни на обратномъ пути Никифоровъ изъ опасенія, чтобы его бумаги не

попали въ руки къ хивинцамъ, не вель ни дневника, ни какихъ либо другихъ систематическихъ путевыхъ записокъ; у него оказались лишь отрывочныя замѣтки, писанныя карандашомъ, на клочкахъ бумаги и, вдобавокъ, ни для кого не понятнымъ шрифтомъ, такъ что не довелось воспользоваться и этими отрывочными свѣдѣніями. Только отъ спутниковъ Никифорова, топографовъ Петрова и Челпанова, удалось узнать, что наша миссія не имѣла въ Хивѣ никакого успѣха, отчасти вслѣдствіе дерзкаго обхожденія Никифорова съ министрами хана, къ которымъ онъ въ первое же съ ними свиданіе держалъ черезъ переводчика такую рѣчь:

«Вы должны прилипнуть къ Россіи, какъ рубашка къ тѣлу, потому что Россія такая большая держава, что если упадетъ на васъ, то раздавить совершенно такъ же, какъ моя обувь давитъ малыхъ козявокъ на дорогѣ» и т. д. въ томъ же родѣ.

Такое краснорѣчіе не могло, конечно, особенно понравиться министрамъ Хивы, тѣмъ болѣе, что они находились еще въ чаду славы отъ неудавшагося зимняго похода Перовскаго; поэтому министры, хотя и приняли предложенные имъ подарки и вели не мало разговоровъ съ Никифоровымъ, но ни въ какія письменныя обязательства не пожелали вступить, и онъ вынужденъ былъ уѣхать изъ Хивы почти ни съ чѣмъ. Единственнымъ, впрочемъ, результатомъ этой миссіи было отправленіе къ намъ изъ Хивы, вмѣстѣ съ Никифоровымъ, особаго посольства подъ начальствомъ сановника Вансвая Набіева со свитою въ 16 человекъ.

О прибытіи этого посольства въ Оренбургъ было донесено министру иностранныхъ дѣлъ, графу Нессельроде; на это послѣдовало высочайшее повелѣніе — отправить посла съ его свитою въ Петербургъ, для чего и было ассигновано на путевыя издержки двѣ тысячи рублей.

10-го марта посолъ Набіевъ прибылъ въ Петербургъ и вскорѣ былъ представленъ ко двору. Императоръ Николай принялъ посла довольно милостиво и обласкалъ его. Почти два мѣсяца пробыло это посольство въ Петербургѣ, дивясь на невиданныя имъ дотолѣ зданія, корабли и многія другія чудеса русской столицы. Вступить же съ посломъ въ какіе либо серьезные переговоры оказалось невозможнымъ, такъ какъ онъ ссылаясь на то, что, безъ предварительнаго доклада сути переговоровъ своему повелителю, хивинскому хану, онъ не можетъ согласиться ни на что; посылать же проектъ договора въ Хиву и ждать оттуда отвѣта было при отсутствіи желѣзныхъ дорогъ и телеграфа немислимо; поэтому посольство это отправилось 9-го мая обратно въ Оренбургъ (и Хиву), одаренное различными подарками—часами, тонкимъ сукномъ, дорогимъ бархатомъ и атласомъ, и проч.

Такъ какъ посолъ Набіевъ заявилъ все-таки, что Хива была бы не прочь заключить желаемый Россіею формальный договоръ, то

въ министерствѣ иностранныхъ дѣлъ и рѣшено было снарядить въ Хиву особое посольство съ подробными полномочіями на предметъ заключенія съ хивинскими правителями торговаго и мирнаго трактата. Посольство это положено было отправить въ Хиву вмѣстѣ съ возвращавшимся туда посломъ Набіевымъ, для чего и велѣно было удержать послѣдняго въ Оренбургѣ нѣкоторое время, впредь до окончательнаго снаряженія нашего посольства.

Въ то время оренбургскимъ военнымъ губернаторомъ и завѣдывающимъ гражданскою частью былъ генераль Обручевъ, человекъ честный и доступный, но крайне медлительный; ему потребовалось почти три мѣсяца на снаряженіе назначеннаго посольства.

II.

Составъ новаго посольства въ Хиву и его снаряженіе.—Полковникъ Данилевскій.—Инструкція, данная посольству.—Подарки.—Выступленіе посольства изъ Оренбурга.—Первая аудіенція у хана Алла-Кула.—Исторія съ каретой.—Посѣщеніе министровъ и сдѣланные имъ подарки.—Второй пріемъ у хана.—Умышленное затягиваніе переговоровъ.—Смерть Алла-Кула и воцареніе новаго хана.

Во главѣ нашего посольства въ Хиву былъ поставленъ, по рекомендаціи генерала В. А. Перовскаго, полковникъ Данилевскій, человекъ вполне достойный своего высокаго назначенія и того довѣрія, которое было оказываемо ему въ данномъ случаѣ. Въ бывшемъ зимнемъ походѣ въ Хиву онъ былъ командиромъ авангарднаго отряда генерала Перовскаго и былъ однимъ изъ немногихъ начальствующихъ лицъ, не потерявшихъ энергіи, мужества и распорядительности въ этомъ трагическомъ походѣ; по окончаніи его подполковникъ Данилевскій былъ произведенъ въ полковники и получилъ Владиміра 4-й степени съ мечами.

Кромѣ полковника Данилевскаго, въ составъ посольства вошли слѣдующія лица: два офицера корпуса военныхъ топографовъ, братья Зеленины, произведенные въ офицеры за хивинскій походъ, въ которомъ они участвовали, «натуралистъ» Базинеръ, письмоводитель (онъ же и личный секретарь Данилевскаго), коллежскій регистраторъ Григорьевъ, взятый изъ «пограничной комиссіи», переводчикъ, караванъ-баша и 20 казаковъ подъ начальствомъ хорунжаго Кипиченкова. Кромѣ того, изъ Оренбурга было взято пять человекъ киргизовъ испытанной вѣрности и ловкости, хорошо знавшихъ степь и не разъ уже побывавшихъ въ Хивѣ. При посольствѣ было 40 верблюдовъ и 35 лошадей, изъ коихъ 28 были подъ казаками и чиновниками, 5 у киргизовъ, а 2 лошади были выѣздныя—подъ карету-ландо, которую везли въ подарокъ хану. Къ этому каравану полковника Данилевскаго присоединился въ Оренбургѣ приказчикъ купца Пичугина, Бочаровъ, бывавшій ранѣе въ Хивѣ съ

товарами же и порядочно говорившій похивински. Этотъ смѣлый русскій человѣкъ и теперь ѣхалъ въ Хиву съ нѣсколькими верблюдами, нагруженными различными товарами, принадлежащими его хозяину.

Посольству полковника Данилевскаго было ассигновано на расходы 5 тысячъ червонцевъ; въ томъ числѣ: 700 на подарки и 989 на экстраординарные расходы, то-есть, на взятки хивинскимъ министрамъ и чиновникамъ; остальные 3.311 червонцевъ назначались, слѣдовательно, на всѣ путевые и прочіе расходы посольства. Кромѣ денегъ, полковнику Данилевскому были вручены также многіе подарки: для самого хана—вышеупомянутая карета-ландо съ откиднымъ верхомъ, пара прекрасныхъ упряжныхъ англійскихъ лошадей съ серебряною вызолоченою сбруей, дорогіе бронзовые подсвѣчники для тумбъ (бра), особаго устройства часы ¹⁾, органъ, два куска ліонскаго бархата и два же куска атласа. Для министровъ и другихъ важныхъ чиновниковъ Хивы было взято нѣсколько золотыхъ часовъ, сукно, бархатъ и атласъ и нѣсколько десятковъ головъ сахара—подарка, особенно цѣнимаго и любимаго хивинцами.

Отправляя полковника Данилевскаго въ Хиву, наше правительство поручило ему укрѣпить, прежде всего, наше нравственное вліяніе на хивинцевъ и въ то же время ослабить вліяніе Хивы на нашу Киргизскую степь; затѣмъ, на Данилевскаго возлагалась обязанность передѣлать и точнѣе опредѣлить нашу южную границу съ Хивою (по рѣкѣ Сыръ-Дарьѣ), а также по сѣверному берегу Арала и сѣверному же склону Усть-Урта. Кромѣ того, въ въ гласной инструкціи, данной полковнику Данилевскому, предлагалось выхлопотать у хана Алла-Кула право держать въ Хивѣ постоянного русскаго агента, а также добиться у хивинцевъ освобожденія изъ плѣна персидскихъ невольниковъ, число которыхъ доходило въ то время до 1.500 человѣкъ, и составить, главное, формальный торговый договоръ съ Хивою, ограждающій наши купеческіе караваны отъ нападений туркменовъ и предоставляющій русскимъ купцамъ право свободно торговать по всей Хивѣ. На Данилевскаго было возложено въ то же время и еще одно порученіе секретное, выраженное ему словесно въ самый день выѣзда его изъ Оренбурга: ему поручено было сдѣлать военно-топографиче-

¹⁾ Часы эти были столовые, прекрасной шварцвальдской работы, подѣ стекломъ. Во все время хода, въ тактъ маятника, качались находившіяся надъ часами двѣ маленькія птички, а во время боя выскакивала изъ верхней форточки обыкновенная кукушка. Ханъ былъ, говорятъ, сильно удивленъ замысловатымъ механизмомъ часовъ, и, убѣжденный, что это выскакиваетъ «шайтанъ», велѣлъ «спрятать подальше» этотъ подозрительный русскій подарокъ. Вторые такіе же часы, но уже безъ колпака, который въ дорогѣ разбился, были привезены для наслѣдника хивинскаго престола, но не могли, пока, быть переданы по назначенію, такъ какъ наслѣдникъ этотъ проживалъ въ Хазараспѣ, въ 90 верстахъ отъ Хивы.

скую съемку не только того пути въ Хиву, по которому онъ пойдетъ, но въ возможной мѣрѣ и самой Хивы и окружающихъ ее городовъ и оазисовъ; для этого въ свиту Данилевскаго и были даны топографы, два брата Зеленины, офицеры испытанной опытности и смѣтливости.

Только 1-го августа 1842 года посольство это, сопровождаемое возвращавшимся въ Хиву сановникомъ хана Набіевымъ и его свитою, выступило наконецъ изъ Оренбурга... Дорогою шли безъ дневовъ и продолжительныхъ роздыховъ, и въ половинѣ сентября безъ всякихъ особыхъ приключеній добрались до Хивы; шли на Эмбу, Усть-Уртъ и вдоль западнаго берега Аральскаго моря. Въ предѣлы ханства вступили послѣ сорока-трехъ-дневнаго безостановочнаго похода и были встрѣчены на самой границѣ охраннымъ конвоемъ, высланнымъ изъ Хивы; 19-го же октября посольство съ своимъ караваномъ прошло чрезъ самый городъ Хиву и остановилось въ небольшомъ ханскомъ «дворцѣ», выстроенномъ въ саду на окраинѣ города и состоящемъ всего изъ нѣсколькихъ неважныхъ комнатъ; садъ былъ обнесенъ довольно высокою каменною стѣною.

Гордый хивинскій ханъ Алла-Куль принялъ полковника Данилевскаго не сразу: подъ разными благовидными предлогами онъ оттягивалъ аудиенцію... Наконецъ, 30-го октября, нашъ посолъ въ сопровожденіи переводчика и побывавшаго въ Петербургѣ сановника Набіева былъ принятъ ханомъ. Мехтеръ (главный министръ, онъ же и военный) представлялъ хану членовъ посольства по старшинству, называя ихъ чины и фамиліи. Пріемъ нашему послу былъ оказанъ гордый и холодный: ханъ, хотя и пригласилъ полковника Данилевскаго сѣсть, но даже не взглянулъ на преподнесенные ему подарки и не пожелалъ подойти къ окну, чтобы увидѣть стоявшую у подъѣзда карету ¹⁾, запряженную прекрасными

¹⁾ Съ этой каретой-ландо вышло маленькое недоразумѣніе. Полковникъ Данилевскій, огорченный холоднымъ пріемомъ хана, забылъ приказать своему конюху, доставившему карету къ ханскому дворцу, чтобы онъ объяснилъ и показалъ бы «шталмейстеру» хана, какъ снимается и откидывается верхъ кареты; въ закрытый же со всѣхъ сторонъ экипажъ ни ханъ, ни его жены не рѣшались сѣсть... Въ карету сажались лишь дѣти хана и катались по двору; но экипажъ при этомъ едва-едва двигался по слѣдующей смѣшной причинѣ: когда въ день представленія посольства карету привезли на ханскій дворъ и остановили у крыльца, то нашъ конюхъ изъ опасенія, что лошади не будутъ спокойно стоять, взялъ да и затормозилъ колесо, а потомъ, когда сдалъ карету и пошелъ домой, не снявъ тормоза и ничего не сказалъ объ этомъ хивинцамъ, а они сами не догадались этого сдѣлать... Чтобы карета шла легче и быстрее, хивинскіе конюхи запрягали въ нее уже своихъ лошадей—по десяти и болѣе штукъ, но карета, тѣмъ не менѣе, не двигалась все-таки скорѣе... Послѣ уже, когда хивинцу, кучеру хана, объяснили значеніе тормоза и показали, какъ надо откидывать верхъ, ханъ сѣлъ въ открытый, такимъ образомъ, экипажъ и торжественно проѣхалъ въ немъ по городу, при чемъ все населеніе Хивы высыпало на улицы смотрѣть на невиданный кортежъ. И. З.

англійскими лошадьми въ блестящей сбруѣ. Черезъ переводчика ханъ сказалъ лишь Данилевскому, что онъ «соглашается» вести переговоры, но не сейчасъ, а «подумаетъ»... что онъ пришлетъ къ полковнику Данилевскому своихъ уполномоченныхъ и дастъ знать ему также о времени, когда можетъ принять его вторично.

Нѣсколько дней спустя, къ полковнику Данилевскому явились дѣйствительно хивинскіе министры, въ количествѣ восьми чело-вѣкъ; пріѣхали они къ Данилевскому, какъ сами заявили, «въ гости», а не по дѣламъ; это означало: преподнеси «гостямъ» подарки... Они ѣхали верхами, имѣя каждый позади себя на той же лошади углана, мальчика лѣтъ 10—12-ти; министръ входилъ въ домъ, а мальчикъ соскакивалъ съ лошади, привязывалъ ее и затѣмъ, подавалъ своему господину кальянъ и вообще прислуживалъ ему. Усѣлись всѣ на полу на коврахъ и подушкахъ, и началось угощеніе: подали прежде всего чай, налитый въ стаканы, привезенные Данилевскимъ съ собою и незнакомые вовсе хивинцамъ, которые поэтому и не знали, какъ пить изъ нихъ, и лишь жгли себѣ руки... Данилевскій, впрочемъ, нашелся: онъ взялъ свой стаканъ и налилъ изъ него чай въ блюдо; глядя на него, то же самое сдѣлали и господа министры ¹⁾).

По окончаніи чая, поданы были фрукты и сласти; затѣмъ каждому изъ министровъ даны были подарки — по дорогому шелковому халату, по куску сукна, по кинжалу въ серебряной оправѣ кавказской работы, по фунту чая и по небольшой, фунтовъ въ десять, головѣ сахара. Подарки дѣлались не вдругъ, а съ антрактами, во время чаепитія и угощенія лакомствами. Послѣдній подарокъ, то-есть сахаръ, понравился, очевидно, болѣе всего: ко всѣмъ первымъ подаркамъ министры относились съ обыкновенною флегмою восточныхъ чело-вѣковъ; но какъ только поставили около каждого изъ нихъ по головѣ сахара, то они зацелкали языками въ знакъ особаго удовольствія и поднялись съ мѣста, что значило: мы получили, чего ожидали, и вполне довольны на этотъ разъ... Сахаръ въ то время былъ въ Хивѣ большою рѣдкостью и продавался едва ли не на вѣсъ серебра; къ тому же изъ всѣхъ подарковъ, сдѣланныхъ гостямъ, это былъ единственный, который они могли преподнести своимъ женамъ въ гаремахъ.

Спустя нѣсколько дней, полковникъ Данилевскій, въ сопро-

¹⁾ Въ послѣдующіе пріѣзды въ наше посольство министровъ, стаканы были замѣняемы для нихъ обыкновенными чайными чашками, которыя нашлись въ продажѣ у торговца Бочарова, имѣвшаго рѣшительно все, что требовалось азіатамъ—ситцы, трубки, чай и сахаръ, бусы, ножи, и проч. Мальчикамъ, сопровождавшимъ министровъ, чай подавался сначала въ фаянсовыхъ же чашкахъ; но такъ какъ они по окончаніи чая прятали каждый разъ эти чашки за пазуху, то имъ стали подавать чай въ простыхъ глиняныхъ чашкахъ мѣстнаго издѣлія, продававшихся на базарѣ въ Хивѣ.

вожденіи переводчика, обоихъ братьевъ Зелениныхъ, хорунжаго Кипиченкова и натуралиста Базинера, отдалъ визитъ хивинскимъ министрамъ и принялъ ихъ угощеніе; впрочемъ, угощеніе это было очень скромное: чай, который подавался безъ сахара, и сушеные фрукты... сахару же дали въ самомъ концѣ, по нѣсколько кусковъ каждому гостю.

10-го ноября ханъ принялъ полковника Данилевскаго вторично и уже болѣе ласково; но, ссылаясь на свою болѣзнь, сказалъ, что разговаривать о дѣлахъ онъ пока не находитъ возможнымъ и поручаетъ это своимъ министрамъ, подъ предсѣдательствомъ мектера. Вслѣдствіе этого гг. министры стали навѣщать полковника Данилевскаго все чаще и чаще, и каждый разъ ихъ надо было надѣлать подарками, а между тѣмъ о дѣлѣ они говорили мало и неохотно... Данилевскій сталъ тревожиться прежде всего за то, хватить ли у него подарковъ для министровъ хана, если они станутъ умышленно затягивать и откладывать переговоры. Эти опасенія онъ высказалъ сопровождавшимъ его лицамъ, и на общемъ совѣтѣ рѣшено было приступить въ первое же свиданіе съ министрами хана къ письменному составленію проекта договора Россіи съ Хивою. Между тѣмъ, министры прекратили свои посѣщенія, что еще болѣе встревожило наше посольство... Вдругъ, 23-го ноября, по городу Хивѣ распространился слухъ, что ханъ Алла-Куль умеръ (нѣсколько дней назадъ), и что въ Хивѣ царствуетъ уже другой ханъ...

Воцареніе это совершилось тайно по слѣдующимъ причинамъ. Какъ только ханъ Алла-Куль испустилъ духъ, то главный министръ, мектеръ, распорядился тотчасъ же послать гонца въ Хазараспъ, къ старшему сыну хана, наслѣднику престола, чтобы онъ немедленно прибылъ въ столицу Хивы, для вступленія на престолъ; самую же смерть хана мектеръ сохранялъ пока въ глубокой тайнѣ, о которой знало во дворцѣ лишь нѣсколько членовъ; остальные же считали хана тяжело больнымъ, но еще не умершимъ. Мектеръ опасался, чтобы дяди наслѣдника, родные братья умершаго хана, узнавъ о его смерти, не вздумали до прибытія законнаго наслѣдника захватить престолъ въ свои руки и не начали бы изъ-за этого рѣзни, что не разъ бывало уже въ Хивѣ ранѣе, когда нѣсколько претендентовъ начинали оспаривать другъ у друга право на вакантный хивинскій престолъ. На этотъ разъ удалось предотвратить распри: наслѣднаго принца привезли въ Хиву ночью, воцарили и только на другой день, утромъ, объявили народу о смерти бывшаго хана и о воцареніи новаго. Но и послѣ этого въ теченіе цѣлаго мѣсяца стража въ двѣсти человекъ отборныхъ туркменъ-іомудовъ охраняла ворота въ крѣпость, гдѣ находился дворецъ хана; воротъ этихъ было двое, и караулъ раздѣлялся на двѣ половины.

III.

Ухудшеніе дѣлъ посольства и злодѣйскій умыселъ хивинцевъ. — Сергѣй-ага. — Рѣшимость посольства защищаться до послѣдняго человѣка. — Находчивость и мужество полковника Данилевскаго и спасеніе посольства. — Окончаніе переговоровъ и подписаніе мирнаго трактата.

При новомъ ханѣ дѣла русскаго посольства пошли еще хуже. Начать съ того, что новый ханъ долго подъ разными благовидными и неблагоприятными предлогами отказывался принять полковника Данилевскаго; наконецъ, когда принялъ, то не пригласилъ сѣсть и вообще держалъ себя во время аудіенціи еще болѣе холодно и гордо, чѣмъ его предшественникъ. Однако всѣ преподнесенные ему подарки принялъ ¹⁾).

Съ тѣхъ поръ члены русскаго посольства стали замѣчать, что отношенія къ нимъ хивинцевъ круто измѣнились къ худшему: всѣ и вездѣ, начиная отъ встрѣчавшихся иногда министровъ и оканчивая торговцами на базарѣ, стали поглядывать на русскихъ враждебно и косо, а иногда и прямо заирать ихъ, явно вызывая на ссору... Отношенія, такимъ образомъ, обострились все болѣе и болѣе, и положеніе посольства становилось тяжелымъ и, видимо, опаснымъ: чтó могли подѣлать эти несчастные тридцать человѣкъ русскихъ людей, находящіеся за нѣсколько тысячъ верстъ отъ своей родины, отдѣленные отъ нея едва проходимыми сыпучими песками и окруженные десятками тысячъ дикаго и крайне враждебнаго имъ племени?!...

Но Провидѣнію не угодно было допустить гибель горсти этихъ отважныхъ русскихъ людей, и они были спасены.

Однажды, вечеромъ, къ занимаемому посольствомъ «дворцу» подѣхалъ верхомъ, безъ мальчика, «министръ артиллеріи» хивинской, Сергѣй-ага, котораго Данилевскій видѣлъ въ ханскомъ дворцѣ во время пріема, и о которомъ говорили, что онъ будто служилъ ранѣе въ нашемъ войскѣ. Оставивъ лошадь казаку, онъ вошелъ въ помѣщеніе, занимаемое Данилевскимъ, и пожелалъ ему «здравія» на чистомъ русскомъ языкѣ... Затѣмъ, оставшись съ Данилевскимъ съ глазу на глазъ, онъ сообщилъ подъ большимъ секретомъ, что какъ самому Данилевскому, такъ и всему его посольству, до послѣдняго человѣка, предстоитъ въ самомъ скоромъ времени участь отряда князя Бековича-Черкаскаго; что въ засѣданіи «военнаго совѣта», подъ предсѣдательствомъ самого хана,

¹⁾ Между этими подарками были и шварцвальдскіе столовые часы съ тѣмъ же самымъ затѣйливымъ механизмомъ, съ двумя птичками и кукушкой, которые были преподнесены умершему хану (только безъ стекляннаго, разбитаго уже, колпака). И. З.

рѣшено истребить посольство; что противъ этого рѣшенія были только два голоса: его, Сергѣя-аги, и мехтера, военного министра, и что только поэтому приведеніе замысла въ исполненіе отложено на нѣкоторое время, впредь до новаго засѣданія по этому дѣлу... Ни способовъ спасенія, ни совѣтовъ Сергѣй-ага не указалъ и не далъ Данилевскому, да и не могъ дать безъ риска собственной жизнью; онъ лишь торопился уѣхать отъ Данилевскаго какъ можно скорѣе и не замѣченнымъ... Уходя, онъ сообщилъ о томъ, что онъ дѣйствительно русскій, служилъ на Кавказѣ въ артиллеріи фейерверкеромъ, убилъ, не стерпѣвъ обиды, батарейнаго командира и успѣлъ убѣжать въ горы, къ черкесамъ; оттуда, опасаясь, что его все-таки возьмутъ когда нибудь, ушелъ въ Персію, а затѣмъ въ Хиву ¹⁾).

Получивъ отъ Сергѣя-аги такое важное сообщеніе и имѣя многія основанія ему вѣрить, полковникъ Данилевскій тотчасъ же пригласилъ всѣхъ своихъ спутниковъ на совѣтъ. Рѣшено было, прежде всего, изготovitъся къ возможной оборонѣ и защищаться до послѣдней капли крови, отнюдь не отдаваясь въ плѣнъ, такъ какъ всѣ хорошо знали, что, взявъ кого нибудь живьемъ, хивинцы все равно потомъ убьютъ плѣннаго, подвергнувъ его предварительно самымъ жесточайшимъ мученіямъ, которыя только они способны будутъ придумать. Изъ членовъ посольства не доставало лишь одного офицера-топографа Зеленина 1-го, который, переодевшись въ простое платье, уѣхалъ съ торговцемъ Бочаровымъ за Хиву, къ оазисамъ, для выполненія секретнѣйшаго и крайне рискованнаго порученія, возложеннаго на него Данилевскимъ, именно

¹⁾ Впослѣдствіи члены посольства узнали о своемъ спасителѣ слѣдующія свѣдѣнія. Явившись въ 1830 году въ Хиву, Сергѣй-ага исправилъ хивинцамъ всѣ орудія Бековича-Черкаскаго, устроилъ къ нимъ новые лафеты и передки, отлилъ ядра и, пользуясь полученнымъ отъ англичанъ порошкомъ, имѣлъ огромный успѣхъ и рѣшающее значеніе въ недавней войнѣ Хивы съ Бухарою, за что и вошелъ въ особую милость къ бывшему хану Алла-Кулу, назначившему его «министромъ артиллеріи», то-есть командиромъ той маленькой батареи, которую онъ сформировалъ изъ лежавшихъ безъ употребленія болѣе ста лѣтъ пушекъ, захваченныхъ отъ измѣннически истребленнаго отряда Черкаскаго. Сергѣй-ага женился въ Хивѣ сначала на плѣнной русской дѣвушкѣ, взятой киргизами подъ Оренбургомъ; а потомъ, когда она умерла, то ханъ въ знакъ особаго своего благоволенія далъ ему въ жены кровную хивинку хорошей фамиліи; это была еще не выданная честь въ Хивѣ, такъ какъ всѣмъ плѣннымъ, невольникамъ и вообще нехивинцамъ давали обыкновенно въ жены плѣнныхъ персіянокъ или русскихъ, покупаемыхъ отъ оренбургскихъ киргизовъ. Въ Хивѣ Сергѣй-ага жилъ хорошо: онъ самъ устроилъ себѣ въ городѣ русскую избу (только не изъ бревенъ, а изъ камня) съ лавками, палатами и русскою печью; въ углу у него висѣли иконы, привезенныя ему изъ Оренбурга, по его приказу, бухарскими купцами; онъ даже самъ водку гналъ изъ винограда... Этою водкой и русскими же пирогами съ начинкой онъ не разъ потомъ, заѣзжая въ посольство, потчевалъ «господъ офицеровъ», а также и конвойныхъ казаковъ.

для топографическихъ съемокъ путей и мѣстностей, окружающихъ городъ Хиву, а также и другихъ меньшихъ городовъ ханства; за Зеленинымъ тотчасъ же былъ посланъ нарочный киргизъ изъ числа бывшихъ при посольствѣ.

Вмѣстѣ съ тѣмъ, полковникъ Данилевскій рѣшилъ обратиться прямо къ мехтеру, какъ къ главному «министру» Хивы и человеку, на сочувствіе котораго, по разсказу Сергѣя-аги, можно было рассчитывать, не показывая ему, однако, и виду, что посольство уже предупреждено объ опасности.

На другой же день послѣ посѣщенія Сергѣя-аги, рано утромъ, Данилевскій, взявъ съ собою лишь одного казака, отправился въ домъ мехтера, который тотчасъ же принялъ его. Послѣ первыхъ же привѣтствій Данилевскій спросилъ министра: слѣдуетъ ли посольству вести переговоры далѣе и ожидать ихъ окончанія и подписанія формальнаго договора, или же, въ виду явныхъ въ послѣднее время уклоненій правительства Хивы отъ веденія этихъ переговоровъ, считать ихъ неудавшимися и законченными, и въ такомъ случаѣ посольство выступить изъ Хивы на слѣдующій же день.

Мехтеръ, по обычаю восточныхъ дипломатовъ, отвѣчалъ (черезъ переводчика, конечно) уклончиво и неопредѣленно, ссылаясь на неопытность молодого хана, на разногласія, возникшія въ средѣ его новыхъ совѣтниковъ по поводу договора съ русскими, и проч., затѣмъ, предложивъ Данилевскому чай, распорядился въ то же время послать за другими министрами. Онъ еще разъ повторилъ ханскимъ министрамъ то, что высказалъ мехтеру, и въ заключеніе прибавилъ:

— Когда мы шли къ вамъ, то умершій ханъ Алла-Куль выслалъ на границу Хивы, для нашей встрѣчи и охраны, особый конвой; теперь же, когда мы будемъ возвращаться назадъ, я попрошу васъ передать хану мое почтительное заявленіе, что никакая охрана намъ не нужна: объявляю вамъ, именемъ великаго Бѣлаго царя, что если кто нибудь въ Хивѣ позволитъ себѣ не только напасть на насъ, но даже просто оскорбить, то отъ всего вашего ханства не останется камня на камнѣ. Помните, что русскіе въ гостяхъ у васъ въ четвертый уже разъ¹⁾ и дорогу къ вамъ знаютъ, и что если они придутъ съ оружіемъ, то вамъ уже не удастся обмануть ихъ такъ, какъ сдѣлали это ваши дѣды съ княземъ Черкасскимъ...

Одной этой мужественной рѣчи было вполне достаточно, чтобы ханскіе министры заговорили совсѣмъ другимъ тономъ... Они стали увѣрять Данилевскаго въ миролюбіи Хивы и въ ихъ личномъ желаніи довести переговоры до конца...

¹⁾ То-есть: считая достиженіе Хивы отрядомъ князя Бековича-Черкаскаго, безрезультатное посольство въ Хиву же въ 1819 году полковника Муравьева, недавнюю миссію капитана Никлфорова и настоящую. И. З.

Тогда Данилевскій сказалъ имъ:

— Завтра, до полудня я буду ждать васъ всѣхъ у себя для дальнѣйшаго веденія переговоровъ. Если вы не будете, то завтра же я выступаю изъ Хивы обратно въ Оренбургъ.

Вернувшись къ себѣ, полковникъ Данилевскій, передавъ членамъ посольства о своемъ свиданіи съ министрами, приказалъ готовиться на всякій случай къ выступленію въ обратный путь... Но на другой день утромъ, во время самыхъ горячихъ хлопотъ и возни съ व्यюками, къ квартирѣ посольства подѣхали всѣ восемь министровъ съ мальчиками позади, напились чаю и затѣмъ пожелали сами приступить тотчасъ же къ переговорамъ.

На слѣдующій день министры пріѣхали вновь, и такимъ образомъ переговоры хотя и черепашѣмъ шагомъ, но все же стали подвигаться впередъ. Важнѣе всего, конечно, было то, что жизнь всего состава посольства, висѣвшая на волоскѣ, была теперь, несомнѣнно, спасена.

Спустя нѣсколько дней, Данилевскому была назначена аудіенція у хана, который на этотъ разъ принялъ посла болѣе вѣжливо и внимательно, пригласивъ тотчасъ же сѣсть на особо приготовленный для него низенькій табуретъ. Во время происшедшаго разговора ханъ тѣмъ не менѣе категорически объявилъ полковнику Данилевскому, что персидскихъ невольниковъ онъ не можетъ освободить, и вообще удивляется, почему русскій посолъ на этомъ настаиваетъ, такъ какъ дѣло это касается не Россіи, а Персіи, которая сама могла бы хлопотать объ этомъ, если бы желала. вмѣстѣ съ тѣмъ ханъ отклонилъ и ходатайство Данилевскаго объ учрежденіи въ Хивѣ нашего постоянного политическаго агентства.

Къ 25 декабря актъ соглашенія нашего съ Хивою былъ окончательно изготовленъ. Въ немъ былъ выговоренъ безпрепятственный проходъ въ Хиву и обратно русскихъ купеческихъ каравановъ, и правительство Хивы обязывалось ограждать эти караваны отъ разбойничьихъ нападеній туркменъ-іомудовъ и хивинскихъ киргизовъ, а также воспретить этимъ номадамъ дѣлать нападенія на наши рыбные промыслы на Каспійскомъ морѣ и забирать рабочихъ въ плѣнъ; русскимъ купцамъ предоставлялось право открытой торговли не въ одномъ лишь городѣ Хивѣ, но и въ Куны-Ургенчи, Ханки, Хазараспѣ и др.; равно и хивинскіе купцы могли безпрепятственно и безпошлинно торговать въ нашихъ предѣлахъ, а на мѣновомъ дворѣ Оренбурга и въ караванъ-сараѣ для нихъ должны быть отводимы особыя мѣста и помѣщенія. Въ томъ же договорѣ были ясно и точно обозначены наши взаимныя границы съ Хивою—по Сыръ-Дарѣ и Усть-Урту. При составленіи окончательной редакціи договора полковникъ Данилевскій пытался еще разъ склонить министровъ Хивы на согла-

сие допустить пребываніе въ ихъ столицѣ если не политическаго, то хотя бы только торговаго агента Россіи, но, не смотря на всѣ настоянія и сдѣланные подарки, этого не удалось добиться.

Когда надо было, наконецъ, оформить составленный договоръ (писанный на двухъ языкахъ—порусски и похивински), то вышла маленькая исторія, иллюстрирующая нравы азіатскихъ сановныхъ лицъ того времени и ихъ корыстолюбіе. Полковникъ Данилевскій, подписавъ договоръ (въ двухъ экземплярахъ) и приложивъ къ нему съ государственнымъ гербомъ печать, попросилъ сдѣлать то же самое и хивинскихъ министровъ; но оказалось, прежде всего, что нѣкоторые изъ нихъ—неграмотны: взаимно подписи они прикладывали обыкновенно свои печати, что должны были сдѣлать и въ этотъ разъ, но вдругъ они стали отвиливать и отнѣкиваться... Дѣло заключалось въ томъ, что за послѣднее время переговоровъ, когда писались и подробно обсуждались всѣ въ отдѣльности пункты торговаго договора, министры такъ часто ѣздили къ полковнику Данилевскому и такъ безцеремонно каждый разъ вымогали подарки, что въ посольствѣ явилось наконецъ опасеніе, что скоро нечего уже будетъ и дарить... Тогда Данилевскій сказалъ министрамъ:

— Вы очень тянете переговоры; а между тѣмъ мнѣ бы хотѣлось скорѣе преподнести каждому изъ васъ самый главный и драгоценный подарокъ... Подписывайте скорѣе договоръ, и вы получите вотъ что,—и Данилевскій показалъ имъ нѣсколько золотыхъ карманныхъ часовъ съ азіатскими циферблатами, осыпанныхъ драгоценными камнями и, вдобавокъ, съ репетиромъ. Часы эти были изъ кабинета Его Величества, заказанные въ Женевѣ, для преподнесенія собственно именитымъ восточнымъ гостямъ, пріѣзжавшимъ въ Петербургъ. И вотъ теперь, когда оставалось лишь приложить къ договору печати, министры стали отнѣкиваться, а между тѣмъ прямо не объявляютъ, въ чемъ дѣло и почему они медлятъ... И на этотъ разъ выручилъ Сергѣй-ага, сообщившій полковнику Данилевскому, что министры потому именно не подписываютъ договора и не прикладываютъ своихъ печатей, что опасаются обмана: «пусть,—говорятъ они,—онъ дастъ намъ впередъ эти часы, а то потомъ, пожалуй, обманетъ»...

— Я-то не обману,—сказалъ Данилевскій Сергѣю-агѣ; — а я вотъ опасуюсь имъ вѣрить: ну, какъ они возьмутъ эти подарки, да опять затянуть дѣло, а у меня, кромѣ нѣсколькихъ головъ сахара, ничего уже не осталось.

— Нѣтъ,—отвѣчалъ Сергѣй-ага,—они побоятся обмануть, потому что вы можете пожаловаться хану,—и онъ все равно заставить ихъ подписать договоръ, а часы отберетъ себѣ.

Полковникъ Данилевскій рѣшилъ послушаться Сергѣя-аги и выдалъ послѣдніе подарки хивинскимъ правителямъ. Въ тотъ же

день они приложили къ договору свои печати, а на другой день, 27-го декабря 1842 года, была приложена и государственная печать Хивы, то-есть, печать самого хана.

IV.

Глазomѣрные съемки топографа Зеленина.—Встрѣча съ русскимъ дезертиромъ.—Таинственные незнакомки въ саду посольства.—Путешествіе Бочарова и Зеленина по городамъ Хивы и оазисамъ.—Оригинальныя топографическія работы.—Опасная встрѣча и поспѣшное возвращеніе въ Хиву.

Теперь слѣдуетъ сказать о дѣятельности и приключеніяхъ въ Хивѣ топографа Г. Н. Зеленина, на котораго было возложено полковникомъ Данилевскимъ секретнѣйшее и довольно опасное порученіе — составить приблизительную топографическую карту какъ самаго города Хивы, такъ и его окрестностей и оазисовъ.

Малѣйшая оплошность, или просто неосторожность, въ этомъ дѣлѣ могла стоить жизни не только самому Зеленину, но, пожалуй, и всему посольству, потому что хивинцы вообще зорко наблюдали (послѣ похода Перовскаго), чтобы русскіе не могли снять Хиву на планъ, такъ какъ тогда, по ихъ мнѣнію, легко уже будетъ взять ихъ «неприступное» ханство, огражденное безводными и песчаными пустынями, окружавшими это въ дѣйствительности ничтожное и безсильное владѣніе.

Самый городъ Хиву Зеленинъ снималъ такъ: онъ покупалъ на базарѣ за двѣ мелкія хивинскія монеты («кара-теньга» — черная, т.-е. мѣдная, монета) дыню, бралъ ее въ руку и шелъ съ нею по Хивѣ какъ бы для прогулки; понимая немного похивински, онъ разспрашивалъ уличныхъ торговцевъ, какъ, напр., называется такой-то арыкъ, какъ зовется вотъ эта канава, этотъ садъ и т. д.; разстояніе же отъ одного пункта до другого вымѣрялъ шагами, количество ихъ обозначалъ перочиннымъ ножомъ на корѣ дыни и затѣмъ, возвращаясь домой, переводилъ уже на бумагу свои каballистическіе знаки и замѣтки. Главную осторожность надо было соблюдать въ томъ, чтобы не имѣть при себѣ ни бумаги, ни карандаша на случай подозрѣній, задержанія и обыска.

Однажды, гуляя такимъ образомъ по Хивѣ, Зеленинъ вдругъ слышитъ за собою голосъ:

— Здравія желаю, ваше благородіе!..

Онъ такъ и обмеръ... Глядитъ — стоитъ передъ нимъ хивинецъ и привѣтливо улыбается... Оказалось, это былъ нашъ бѣглый солдатъ, изъ татаръ, оренбургскій уроженецъ; служа въ оренбургскомъ гарнизонѣ, онъ часто встрѣчалъ Зеленина на городскихъ улицахъ и запомнилъ лицо его, какъ офицера, передъ которымъ

приходилось снимать шапку. Онъ имѣлъ теперь въ Хивѣ свой домъ и обзавелся уже семьей. Пригласивъ къ себѣ «земляка», онъ угостилъ его чаемъ и просилъ заходить почаще; но Зеленинъ боялся потомъ бывать у него, такъ какъ сосѣди хивинцы очень недружелюбно посматривали на «уруса», а самый домъ татарина былъ на краю города, въ балкѣ. Этотъ солдатъ былъ потомъ въ домѣ посольства и предлагалъ его обитателямъ, все молодымъ и одинокимъ людямъ, довольно интимныя услуги... но мѣсто такого поставщика было уже занято. Садомъ, въ которомъ расположенъ былъ запасной «дворецъ» хана (гдѣ помѣщалось посольство), завѣдывалъ особый специальный садовникъ, изъ плѣнныхъ персіянъ, знающій хорошо свое дѣло; и вотъ, жена его, тоже плѣнная персіянка, предлагала гг. офицерамъ свои конфиденціальныя услуги: стоило только уплатить ей полуимперіаль, и въ ханскомъ саду ночью, въ сопровожденіи этой садовницы, появлялась женская фигура въ чадрѣ, въ шелковомъ халатѣ и таковыхъ же шальварахъ, закутанная въ кисею и персидскую шаль... Смотря по требованію, въ саду появлялось иногда и нѣсколько такихъ фигуръ разомъ... Подъ большимъ секретомъ персіянка увѣряла, что таинственныя незнакомки—бывшія жены умершаго хана, матеріальная участь которыхъ при новомъ владыкѣ была дѣйствительно не очень-то завидна... Очень возможно, что садовница преувеличивала происхожденіе и положеніе рекомендуемыхъ ею особъ, что это были просто плѣнныя рабыни персіянки, прислужницы изъ гарема бывшаго хана; но только костюмы ихъ были всегда очень роскошны, какихъ не могли бы имѣть простыя плѣнницы-рабыни.

Покончивъ съ съѣмкой города Хивы, Г. Н. Зеленинъ рѣшилъ какъ уже упомянуто было выше, ѣхать для съѣмокъ же по другимъ городамъ ханства; чтобы замаскировать свои дѣйствія, онъ переодѣлся приказчикомъ и отправился вмѣстѣ съ торговцемъ Бочаровымъ, ѣхавшимъ туда же съ своимъ товаромъ на нѣсколькихъ верблюдахъ... Оба они поѣхали верхами на лошадяхъ, въ сопровожденіи лишь одного мальчика хивинца, нанятаго въ самой Хивѣ.

Прежде чѣмъ выѣхать изъ города, Зеленинъ, облачившись въ халатъ, жилъ цѣлую недѣлю въ караванъ-сараѣ, гдѣ останавливался Бочаровъ. Путешествіе ихъ было довольно благополучно: они безпрепятственно посѣтили города Ташкуйю, Ханки, Хазараспъ и Клычъ-Ніасбай; послѣдній городъ—въ Бухарѣ. Ихъ вездѣ встрѣчали съ нѣкоторымъ изумленіемъ; но, узнавъ отъ сопровождавшаго ихъ хивинца, что въ самой Хивѣ находится русское посольство, успокоивались и даже, случалось, принимали, какъ гостей. Въ непродолжительномъ времени Бочаровъ распродалъ почти весь свой товаръ, а Зеленинъ тѣмъ временемъ тщательно, хотя и очень

осторожно, дѣлалъ свое дѣло, которое было нелегко еще и потому, что съемку приходилось дѣлать безъ всякихъ инструментовъ, не только безъ астролябіи или мензулы, но даже безъ бусоли и цѣпи, обозначая нордъ и зюдъ по солнцу, а разстояніе—шагами... Шагами же былъ вымѣренъ и главный (въ то время) арыкъ Хивы—Полванъ, названный такъ въ честь бывшаго батыря (героя) Полвана, ставшаго потомъ святымъ и похороненнаго въ самой Хивѣ, въ главной мечети. Работы Зеленина облегчались главнымъ образомъ тѣмъ обстоятельствомъ, что спутникъ его Бочаровъ говорилъ похивински и былъ человѣкомъ умнымъ и смѣтливымъ: все, что только надо было разузнать Зеленину, Бочаровъ исподволь, не возбуждая подозрѣній, узнавалъ отъ самихъ же хивинцевъ и затѣмъ передавалъ полученныя имъ свѣдѣнія Зеленину. Во время этихъ глазомѣрныхъ съемокъ нельзя уже было обойтись при помощи дыни и пришлось поневолѣ наносить добываемыя свѣдѣнія на бумагу, и хотя здѣсь, внѣ главнаго города Хивы и въ оазисахъ, хивинцы не слѣдили уже за Бочаровымъ такъ зорко, какъ слѣдили они за нашимъ посольствомъ въ самой Хивѣ, но, тѣмъ не менѣе, и здѣсь Зеленинъ долженъ былъ соблюдать большую осторожность: такъ, напримѣръ, маленькій карандашъ былъ вдѣланъ у него незамѣтно въ ключикъ отъ часовъ; вмѣсто бумаги онъ заносилъ свои замѣтки на внутреннія стороны крышекъ маленькихъ картонныхъ коробокъ, бывшихъ съ товаромъ у Бочарова.

Однако въ самомъ концѣ путешествія по Хивѣ Бочарова и Зеленина съ ними случилось одно происшествіе, которое легко могло погубить ихъ обоихъ.

Возвращаясь въ Хиву, они заѣхали въ послѣдній по дорогѣ городъ Куня-Ургентъ ¹⁾ и остановились у знакомаго Бочарову хивинца, бывавшаго не разъ въ Оренбургѣ, на мѣновомъ дворѣ, съ товарами. Однажды, когда Бочаровъ и хивинецъ вмѣстѣ уѣхали куда-то, Зеленинъ, разложивъ на столѣ картонныя коробки съ имѣвшимися на нихъ чертежами и замѣтками, сталъ заниматься... Вдругъ въ комнату, которой по оплошности онъ не заперъ, входитъ какой-то, лѣтъ 14-ти, мальчикъ персіянинъ и говорить по-русски:

— Здравствуйте, баринъ! Я васъ знаю...

Зеленинъ съ ужасомъ взглянулъ на мальчика и сталъ убирать со стола свои картонки.

— Я жилъ два раза въ Оренбургѣ съ прежнимъ своимъ хозяиномъ,—продолжалъ мальчикъ,—и мы квартировали рядомъ съ вашимъ домомъ... Прежній хозяинъ продалъ меня вотъ этому, у

¹⁾ Куня-Ургентъ, или Куня-Ургенчъ, бывшая столица Хивинскаго ханства, называвшаяся Харезмъ. И. З.

котораго вы теперь живете. Я вѣдь знаю, что вы все снимаете планы: я васъ однажды видѣлъ подъ Оренбургомъ—вы все съ цѣпью ходили и рисовали въ степи...

Зеленинъ былъ ни живъ ни мертвъ и ждалъ, что будетъ дальше...

— Да вы не бойтесь, баринъ!.. чортъ, ихъ возьми! я вѣдь имъ ничего не скажу: я ихъ, собакъ, не люблю... Мой отецъ и мать и теперь живутъ у нихъ въ Хивѣ, плѣнные...

Когда Зеленинъ опомнился, онъ всячески обласкалъ мальчика перса, далъ ему серебряной мелочи и подарилъ свистокъ и съ фунтъ сахара. Когда къ вечеру вернулся Бочаровъ и узналъ всю эту исторію, онъ сказалъ Зеленину:

— Ну, баринъ, надо уходить отсюда скорѣе къ своимъ! Вѣдь бѣда намъ будетъ, если мальчишка проговорится...

До Хивы было 40 верстъ, и утромъ, чуть свѣтъ, наши путешественники выѣхали изъ Куны-Ургенти и благополучно въ тотъ же день, къ вечеру, добрались до Хивы, гдѣ Зеленинъ со всѣми своими замѣтками отправился прямо въ посольство, а Бочаровъ попрежнему—въ караванъ-сарай.

V.

Прощальная аудіенція у хана.—Выступленіе посольства изъ Хивы.—Отказъ Сергѣя-аги возвратиться въ Россію.—Казнь персидскихъ плѣнниковъ.—Участь русскихъ, попавшихъ въ неволю въ Хиву.—Обратный путь посольства и вступленіе въ Оренбургъ.—Нарушеніе хивинцами договора съ Россіей.—Трагическая смерть генерала Данилевскаго.

30-го декабря, полковникъ Данилевскій испросилъ у хана прощальную аудіенцію. Во время пріема ханъ пригласилъ посла, можетъ быть, только изъ вѣжливости пожить еще въ Хивѣ и дожждаться наступленія весны; но Данилевскій поблагодарилъ за любезность и отклонилъ предлагаемую ему честь. Ханъ, прощаясь, неожиданно объявилъ Данилевскому, что назначилъ сопровождать его своего посланца, сановника Магомедъ-Эмина, назначеннаго выразить государю «безпредѣльную благодарность за подарки и милостивое расположеніе».

На другой день, 31-го декабря 1842 года, посольство выступило въ путь. На проводы явился и Сергѣй-ага... Онъ привезъ съ собою въ гостинецъ, на дорогу своимъ уѣзжавшимъ землякамъ, бурдюкъ вина и цѣлую корзину русскихъ пироговъ. Данилевскій звалъ его съ собою въ Оренбургъ, ручаясь за полное прощеніе, но онъ не согласился:

— Мнѣ тамъ надо въ богадѣльню идти,—отвѣчалъ со вздохомъ Сергѣй-ага,— а здѣсь я богатый человѣкъ и одинъ изъ первыхъ.

На самомъ выѣздѣ изъ города посольству былъ изготавленъ ужасный сюрпризъ, очевидно, умышенно, съ цѣлю устрашенія и предупрежденія: по дорогѣ сидѣли, посаженные на колья, нѣсколько персіянъ... Съ руками, привязанными параллельно къ ногамъ, въ страшныхъ мукахъ кончали свою жизнь эти несчастные люди, оглашая воздухъ громкими жалостными криками: «Су! су!! су!!..» (воды).

Сопровождавшіе посольство хивинцы сообщили, что вина этихъ несчастныхъ людей состояла въ томъ, что, будучи захвачены разбойниками туркменами (іомудами) и проданы въ Хиву, въ рабство, они стоворились и убѣжали. Хивинцы на другой же день ихъ нагнали, и вотъ, въ поученіе прочимъ персамъ невольникамъ и въ видѣ назиданія уходящимъ русскимъ, жестокосердый ханъ приказалъ посадить на колъ всѣхъ этихъ несчастныхъ, въ самый день выступленія нашего посольства, по пути его слѣдованія...

Здѣсь кстати будетъ сказать нѣсколько словъ объ участи плѣнныхъ, которые имѣли несчастіе попадаться къ хивинцамъ. Собственно нашихъ плѣнныхъ, русскихъ, было въ Хивѣ предъ походомъ Перовскаго болѣе тысячи человѣкъ, преимущественно забранныхъ туркменами съ рыбныхъ промысловъ на Каспійскомъ морѣ, а также и схваченныхъ случайно нашими же киргизами подъ Оренбургомъ и съ хуторовъ, находящихся въ степи, во время рабочей поры, когда туда приходили работники и работницы изъ сосѣднихъ губерній, Уфимской и Самарской. Во время бывшей въ Хивѣ холеры, въ 1829 году, болѣе половины нашихъ плѣнныхъ перемерло; остальные, въ количествѣ 419 человѣкъ обоого пола, были возвращены хивинцами въ Оренбургъ послѣ похода генерала Перовскаго ¹⁾. Участь русскихъ плѣнныхъ въ Хивѣ была вообще такова: ихъ тотчасъ же по доставкѣ въ ханство всячески склоняли и приневоливали принять мусульманство и въ случаѣ успѣха женили на туркменкахъ и персіянкахъ. Съ дѣвушками поступали гораздо проще: красивыя изъ нихъ пополняли гаремы хивинскихъ вельможъ и богатыхъ купцовъ, а некрасивыя—поступали туда же, въ качествѣ рабынь и прислужницъ. Если замѣчали у плѣнника намѣреніе бѣжать, то дѣлали ему, немного повыше пятки, разрѣзъ, насыпали туда мелко рубленого конскаго волоса и долго искусственнымъ образомъ растравляли рану, чтобы плѣннику нельзя было скоро ходить. Если же кто нибудь изъ плѣнныхъ убѣгалъ изъ Хивы и его ловили, то сажали, на

¹⁾ Первые плѣнные—корнетъ Аитовъ и двое купцовъ—прибыли въ Оренбургъ 14-го августа 1840 года; остальная же партія, въ количествѣ 416 человѣкъ, пришла нѣсколько дней спустя. Хивинцы удержали у себя лишь нѣсколько десятковъ плѣнныхъ русскихъ, оставленныхъ самимъ ханомъ, его личныхъ слугъ и различныхъ мастеровъ, но и эти были въпослѣдствіи, по грозному требованію нашего правительства, возвращены.

страхъ другимъ, на колъ, и несчастный умиралъ въ жесточайшихъ мученіяхъ, длившихся иногда двое и трое сутокъ; спастись отъ казни, въ случаѣ поимки, былъ лишь одинъ исходъ—принять исламъ и жениться, что нѣкоторые и дѣлали.

Слѣдуя изъ Хивы, посольство наше направилось въ Оренбургъ нарочно не прежнимъ уже путемъ на Куны-Ургентъ, а новымъ — черезъ сѣверную часть хивинскихъ владѣній, которой никто изъ русскихъ еще не видѣлъ и не зналъ. Всю дорогу топографы дѣлали тщательную стѣмку мѣстностей, черезъ которыя теперь доводилось проходить; Магомедъ-Эмина и его свиты они мало, повидимому, стѣснялись.

Въ Оренбургъ посольство возвратилось на масляной недѣлѣ, во второй половинѣ февраля. Съ дороги еще Данилевскій послалъ въ Оренбургъ нарочнаго киргиза, изъ числа бывшихъ при немъ, съ предупрежденіемъ, что онъ возвращается не одинъ, а въ сопровожденіи хивинскаго посла; поэтому, когда наши вступили въ Оренбургъ, Магомедъ-Эминъ былъ встрѣченъ съ особымъ почетомъ и торжественностью, до чего азіаты вообще большіе охотники. Тотчасъ же былъ посланъ въ Петербургъ курьеръ съ испрошеніемъ распоряженія, какъ поступить съ хивинскимъ посломъ. Отвѣтъ отъ гр. Нессельроде былъ полученъ, однако, не слишкомъ-то скоро: предлагалось отправить Магомедъ-Эмина въ Петербургъ, со всевозможными, впрочемъ, удобствами и торжественностью.

22-го апрѣля (1843 г.) хивинскій посолъ, со свитою въ пять человѣкъ, былъ отправленъ изъ Оренбурга въ Петербургъ, куда онъ и прибылъ 13-го мая. Но его приѣмъ (въ Царскомъ Селѣ), сдѣланные ему роскошные подарки и оказанная любезность не входятъ уже въ программу настоящей статьи... Мы лишь сочли не безынтереснымъ прослѣдить тѣ добрыя отношенія къ Хивѣ, которыя русское правительство того времени всячески старалось начать, установить и поддержать, поступаясь иногда собственными интересами. Но малѣйшая снисходительность со стороны Россіи была, къ сожалѣнію, принимаема хивинцами за слабость... Въ послѣдующіе же затѣмъ годы (въ 1844 и 1845 г.г.) хивинское правительство не постѣснилось нарушить только-что заключенный имъ договоръ: оно стало явно покровительствовать извѣстному мятежнику, русскому киргизу Кениссаръ (котораго безуспѣшно преслѣдовали наши отряды по степи) и разбойнику Кутеборову, скрывавшимся въ пограничныхъ хивинскихъ владѣніяхъ. Попрежнему начался грабежъ русскихъ купеческихъ каравановъ; степь также стала для русскихъ опасна въ пути... Дѣло дошло до того, что въ 1852 году В. А. Перовскій, находившійся въ то время въ Петербургѣ, въ званіи уже генераль-губернатора, вынужденъ былъ предложить хивинцамъ кушъ въ 200 червонцевъ за выкупъ семейства подвластнаго намъ султана Ирму-хамеда Касимова, управлявшаго

чеумекеевцами¹⁾. Наконецъ, въ 1858 году, хивинскіе правители прямо объявили полковнику Н. П. Игнатьеву (нынѣ генераль-адъютантъ и графъ), что они содержанія акта, заключеннаго ими въ 1842 году съ полковникомъ Данилевскимъ, «не помнятъ» и даже «не нашли его» въ своихъ канцеляріяхъ...

Въ заключеніе мнѣ остается сказать нѣсколько словъ о судьбѣ полковника Данилевскаго. Произведенный за свою «миссію» въ Хиву въ генераль-маіоры, онъ перешелъ на службу въ Петербургъ и тамъ нашелъ себѣ трагическую кончину. Будучи замѣчательно красивымъ и имѣя отъ роду всего 35 лѣтъ, онъ страстно влюбился въ одну славянскую владѣтельную княжну и пользовался взаимностью; но на этотъ бракъ не согласились ея родители и рѣшили увезти ее на родину. Въ осеннія сумерки, на первой же почтовой станціи отъ Петербурга къ Москвѣ, едва только заложили лошадей въ карету, въ которой ѣхало семейство княжны и она сама, какъ къ лошадямъ спереди подошелъ высокаго роста молодой генераль и выстрѣлилъ себѣ въ ротъ... Лошади поднялись было на дыбы, затѣмъ рванулись впередъ и карета проѣхала по тропу уже скончавшагося Данилевскаго.

Ив. Захарынъ.

¹⁾ Извѣстно, что всѣ дѣлаемые въ то время настоянія и представленія генерала Перовскаго о необходимости нашего поступательнаго движенія въ Среднюю Азію и неизбѣжности новаго похода въ Хиву были тогдашнимъ министромъ иностранныхъ дѣлъ гр. Нессельроде отклонены, и только двадцать лѣтъ спустя, походъ этотъ былъ предпринятъ вновь и окончился достопамятною побѣдою нашихъ войскъ, находившихся подъ начальствомъ генераль-адъютанта К. П. Кауфмана.

И. З.